
В. В. КАНИЦЕВ, Н. ЦИНЦАДЗЕ

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г.
(по материалам Тамбовской губернии)***

В традициях русской дореволюционной историографии было изучение юридических аспектов отмены крепостного права. В советской исторической науке более всего изучались социально-экономические предпосылки и последствия крестьянской реформы. Лишь в единичных работах дореволюционных и советских авторов в самом общем виде говорилось о недостаточном обеспечении освобожденных от крепостной зависимости крестьян разнообразными природными ресурсами (Корнилов 1905: 89, 195; Мороховец 1937; Дружинин 1978). Конкретные расчеты по распределению природных ресурсов в крестьянских хозяйствах накануне реформы сделал только Б. Г. Литвак, выявивший необходимые материалы по Курской губернии (Литвак 1972: 101–104).

В условиях перехода современной российской исторической науки к использованию различных теоретических подходов в познании отечественной истории середина XIX в. все больше рассматривается в контексте кризиса традиционного, аграрного общества, а 1861 г. как начало модернизаторских реформ. Учитывая высокую степень связи аграрного общества с природной средой, историки стали обращать внимание на социоестественные составляющие кризиса этого общества – демографический переход как разрушение традиционного воспроизводства населения и экологический кризис как нарастание противоречий в традиционном природопользовании.

В наиболее развернутом виде концепцию демоэкологического кризиса развивает екатеринбургский математик и историк С. А. Нефедов, который, применяя классические представления циклической теории к истории России, называет период 1833–1850 гг. де-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-00266а.

мографической стагнацией, а 1861 г. началом периода стагфляции – неустойчивого экологического равновесия, когда национальная катастрофа могла разразиться в любой момент под действием случайных факторов (Нефедов 2005: 83–96). Помимо первого опыта применения теории демоэкологических кризисов к российской истории XIX в. в статье С. А. Нефедова интересен конкретно-исторический подход, в частности, указания на то, что кризисные явления зависели от особенностей отдельных регионов Российской империи. По мнению автора, в первую очередь такие явления происходили в Нечерноземном Центре России, где уже в первой половине XIX в. были исчерпаны резервы земельных ресурсов, а рост населения переполнил «экологическую нишу». С середины века подобные процессы стали наблюдаться и в Черноземном Центре.

Тамбовские историки уже отмечали некоторые черты зарождения и развития экологического кризиса аграрного общества в XIX в. на территории Тамбовского региона (Аврех, Канищев 2002: 3–17; Канищев 2002: 91–92; Канищев 2002а: 42–74; Канищев, Хмель 2002: 34–47; Канищев 2003а: 513–532; Канищев 2003: 14–17; Dyachkov, Kanitshev 2004: 199–223). Однако недостаточно исследована пока роль крестьянской реформы 1861 г. в нарастании экологических проблем региона.

В долговременной перспективе «пусковым крючком» экологических кризисов в земледельческих цивилизациях являлось само начало ведения экстенсивной обработки земли на новой территории. Широкое хозяйственное освоение Тамбовского региона в виде распахивания обширных участков «дикого поля» началось в первые десятилетия XVIII в. По оценкам агрономов, при экстенсивном земледелии признаки истощения почв проявляются примерно через 150 лет.

Для значительной части территории Тамбовской губернии такой момент наступил в середине XIX в. и совпал с периодом реформирования помещичьей деревни. Разработчики реформы 1861 г. вряд ли могли учесть все последствия своего начинания, в том числе уловить едва наметившиеся признаки экологического кризиса аграрного общества. Главной своей задачей они видели более или менее оптимальное обеспечение земель помещиков и крестьян без оценки неосвоенных ресурсов земельного фонда и ухудшения качества земли. Тем самым натягивался «спусковой крючок» эколо-

гического кризиса аграрного общества уже в среднесрочной перспективе – с 1880-х гг.

Основные источники по истории отмены крепостного права – дворянские проекты, материалы Редакционных комиссий, уставные грамоты, подворные переписи пореформенных десятилетий, на наш взгляд, содержат достаточный информационный потенциал для изучения вопроса об экологических условиях функционирования крестьянского хозяйства в XIX в. Под этими условиями мы понимаем не просто окружающую крестьянские поселения и помещичьи усадьбы среду, а социально-экономические возможности использования близлежащих природных ресурсов и последствия воздействия на них человека.

Изучение дворянских проектов освобождения крестьян первой половины XIX в. показывает, что наиболее образованные и прогрессивные представители дворянства хотя бы в общем виде понимали нарастающую проблему сокращения природных ресурсов для сельского хозяйства в наиболее густонаселенных губерниях Европейской России, необходимость оптимального наделения крестьян ресурсами для сельскохозяйственной деятельности при сохранении ресурсной базы помещичьего хозяйства и создании основ рационального природопользования. Мы проанализировали 84 дворянских проекта, опубликованных в научных изданиях (Бокова 1995: 40–51; Великая реформа... 1911; Данильчева 2000: 112–115; Дворянские проекты... 2002; Джаншиев 1894; 1905; Иванюков 1903; Кочергина 1992: 43–52; Найденов 2000: 140–156; Первое издание материалов... 1859; Семенов 1889–1894; Скребицкий 1862–1868; Федоров 1966). В 16 из них были выявлены сюжеты, посвященные проблеме обеспечения крестьян природными угодьями после отмены крепостного права.

Уже в некоторых проектах начала XIX в. ставился вопрос о наделении крестьян землей, другими угодьями именно как природными ресурсами, а не просто социально-экономическими категориями.

В записке А. М. Бакунина (1801–1803 гг.), посвященной земельным губерниям России, предусматривалось закрепление за крестьянами земельного надела, состоявшего преимущественно из пашни, которая была непременным элементом крестьянского хозяйства этих губерний (Бокова 1995: 40–51).

Предполагаемый автор записки, представленной Александру I в 1818 г., нижегородский помещик, декабрист А. А. Крюков даже пытался вычислить размеры угодий, достаточные для поддержания должного хозяйственного уровня крестьян: в расчете на одну душу мужского пола приходилось бы 0,5 дес. пашни; 0,5 дес. сенокоса; $\frac{1}{5}$ часть лесных угодий. Он также предлагал включить в крестьянские наделы огороды и гуменники, сохранить общий с помещиком выгон. В проекте оговаривалось, что помещики не должны стеснять крестьян на общих выгонах, препятствовать пользованию водопоем, рытью колодцев и т. п. (Дворянские проекты... 2002: 138–145).

В проекте А. А. Аракчеева, составленном в 1818 г., минимальный размер крестьянского надела определялся в 2 дес. на ревизскую душу. Все основные угодья должны были, по мнению автора, оставаться в собственности помещиков (Дворянские проекты... 2002: 160–163).

Очень тщательный проект в том же году представил Е. Ф. Канкрин, который мыслил проведение аграрной реформы в России в десять этапов, рассчитанных на 60 лет. На третьем этапе (с 1822 г.) Канкрин предлагал разделить все земли по числу крестьянских дворов на пашню, леса и выгоны, а там, где будет излишек удобной земли, он должен был оставаться в запас для наделения ею новых дворов (Дворянские проекты... 2002: 163–168). Заметим, что это был единственный проект, в котором предполагалось учесть возможный рост демографической нагрузки на ограниченные природные ресурсы.

Тверской помещик В. Н. Зубов в 1819 г. предлагал наделить крестьян пашенной землей и покосами в размере 4–5 дес. на мужскую душу (Дворянские проекты... 2002: 221–226).

Смоленский помещик, декабрист И. Д. Якушкин в записке, составленной в 1819–1820 гг., высказывал мысль об освобождении крестьян с уступкой им в пользование дворов, выгонов, усадебной земли. Пахотные земли Якушкин считал необходимым сдавать крестьянам в аренду (Дворянские проекты... 2002: 249–252).

Помещик Левшин в 1843 г. высказывал предложение о наделении крестьян участком, включавшим усадебную землю и полевые угодья, размером в 5 дес. на мужскую душу (Великая реформа... 1911: 160).

Еще больший надел, отходивший в крестьянскую собственность, предлагал в середине 1840-х гг. В. А. Черкасский – по $5 \frac{1}{3}$ дес. на душу мужского пола (Великая реформа... 1911: 160).

В проекте Н. И. Трубецкого (1844 г.) предлагалось передать в собственность крестьян по 1 дес. на душу мужского пола огородной земли, а леса и покосы отдавать в аренду крестьянам сроком на 25 лет (Великая реформа... 1911: 162–163).

Большое внимание наделению крестьян разнообразными ресурсами уделили губернские комитеты по подготовке отмены крепостного права (Первое издание материалов... 1859). Нижегородский, Костромской, Черниговский, Владимирский, Ярославский комитеты выступили за наделение крестьян пахотной и сенокосной землей. Симбирский, Витебский, Харьковский, Полтавский, Псковский, Воронежский, Тамбовский, Саратовский, Вятский, Астраханский комитеты предлагали присоединять к наделу крестьян еще и выгон.

Некоторые комитеты даже пытались определить нормальную пропорцию пашни к покосу в общем составе надела. Нижегородский комитет для земледельческих имений в 5-десятинном тягловом участке предлагал выделить 4,5 дес. пашни и 0,5 дес. покоса. Астраханский комитет вносил предложение деления 7-десятинного тяглого участка на 2 части: 3 дес. пашни и 4 дес. сенокоса. Владимирский комитет высказал мнение о необходимости выделения 1,5–2,5 дес. пашни и $\frac{1}{4}$ – $\frac{3}{4}$ дес. сенокоса на душу мужского пола.

Некоторые комитеты предлагали расчеты по количеству выгонной земли: Воронежский – 0,5 дес. на ревизскую душу, Саратовский – 200 кв. саж. (ок. 0,08 дес.), Рязанский – 150 кв. саж. (0,06 дес.).

Выделение крестьянам лесного участка или снабжение их лесом на топливо и другие хозяйственные потребности практически все комитеты признавали необязательным для помещиков.

Как видно, предложения губернских комитетов по наделению крестьян природными угодьями были весьма разнообразными, что порождалось особенностями географических и демографических условий разных регионов России. Поэтому Редакционным комиссиям пришлось выработать 4 местных положения об освобождении крестьян, в которых учитывалась специфика природных условий крупнейших регионов страны. Конкретика проявилась только в

установлении высшего и низшего размеров крестьянского надела без разделения по угодьям внутри него, выделялась только усадебная земля. При этом вопрос о наиболее ценных ресурсах в положениях решался явно в пользу помещиков.

На недостаточный учет губернскими комитетами того, что мы сейчас называем экологическими аспектами реформы, обращали внимание уже дореволюционные историки и публицисты. Наиболее развернуто по этому вопросу высказался А. А. Корнилов: «Губернские комитеты, обсуждая проекты реформы, как бы совершенно забыли, что в распоряжении помещиков остается еще значительная часть имения, обыкновенно превышавшая ту, которая предоставлялась, по их проектам, в надел крестьян. Особенно резко это было заметно в черноземных губерниях, да и в нечерноземных оставшиеся за помещиком усадьбы, другие сооружения, леса и луга имели ценность, которая в будущем могла лишь возрасти» (Корнилов 1905: 89). Далее историк обращал внимание на то, что количество земли, полученное в результате реформы, оказывалось недостаточным для «продовольствия самих крестьян, рабочего и домашнего скота», что лугов и кормовых средств в распоряжении крестьян было мало. Однако в работах историков вплоть до середины XX в. явно не хватало конкретного анализа первичных источников по истории реформы 1861 г., чтобы четче показать верно подмеченные ими в общем виде экологические аспекты освобождения крестьянства.

Советские историки второй половины XX в. ввели в оборот огромный фактический материал, но, как уже отмечалось, почти не затрагивали экологическую сторону подготовки и проведения отмены крепостного права. В частности, Б. Г. Литвак вычислил, что дореформенный надел тамбовских крестьян составлял 3,2 дес., а после составления уставных грамот он составил 2,8 дес. Для историка наиболее важным показалось то, что отрезки в Тамбовской губернии были самими меньшими в Черноземном Центре – 13 % (Литвак 1991: 157). Но он никак не оценивал размеры до- и пореформенного надела помещичьих крестьян с точки зрения их достаточности. По мнению ученых-аграрников второй половины XIX в., достаточным для нормального ведения крестьянского хозяйства в ЦЧР считался надел земли как сельхозресурса в 12–15 дес. на двор.

При пересчете душевых данных Б. Г. Литвака на подворные получается, что крестьяне Тамбовской губернии накануне 1861 г. имели в среднем на двор 12,8 дес., а по условиям реформы получили 11,2 дес. Дворовый надел в результате оказался немного ниже естественной нормы.

При этом следует учитывать, что возможности для расширения земельных наделов, необходимого в связи с пореформенным демографическим ростом, в Тамбовской губернии были малы. В частности, почти в 300 уставных грамотах Кирсановского уезда совсем не упоминаются пустоши, указывается небольшая доля неудобий. (Здесь и далее мы, во-первых, не абсолютизируем данные по одному из 12 уездов губернии; во-вторых, ввиду того, что электронная база данных уставных грамот только начинает обрабатываться, мы приводим не точные цифры, а порядок цифр).

Средний размер земельного надела бывших помещичьих крестьян Тамбовской губернии в 1877–1878 гг.

Таблица 1

Уезд	Размер надела (в дес.)
Борисоглебский	2,8
Елатомский	2,6
Кирсановский	2,4
Козловский	2,4
Лебедянский	2,4
Липецкий	2,2
Моршанский	2,4
Спасский	2,0
Тамбовский	2,6
Темниковский	2,0
Усманский	2,6
Шацкий	2,5
Губерния в целом	2,4

Источник: Зайончковский, П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 441.

Как показывает таблица, к исходу пореформенного двадцатилетия ввиду нехватки свободных земель при быстром росте населения средний земельный надел бывших помещичьих крестьян губернии снизился еще на 10 %, и только в одном Борисоглебском

(самом южном, степном) остался на уровне, близком к минимальной норме.

Материалы земских исследований тамбовской деревни показывают, что к началу 1880-х гг. в губернии завершилась распашка пригодных для земледелия угодий. При сохранении низкого уровня агротехники в крестьянских хозяйствах это вело к истощению почв, оврагообразованию, широкой вырубке лесов и увеличению числа засух, распашке под пашню сенокосов и выгонов для скота (Канищев 2002а: 42–74; Канищев, Хмель 2002: 34–47).

Нарастание экологического кризиса бывшей помещичьей деревни заметили уже современники. Так, в отчете сенатора Мордвинова, ревизовавшего Тамбовскую губернию в 1870-е гг., отмечались явные признаки уменьшения крестьянского благосостояния, связанные во многом с истощением плодородности земли вследствие беспорядочной и хищнической ее обработки («И пыль веков от хартий отряхнув...» 1993: 131).

Материалы Приложений к трудам Редакционных комиссий дают некоторые сведения о пользовании крестьянами животноводческими и лесными угодьями накануне реформы 1861 г. (см. табл. 2).

**Пользование крестьянами Тамбовской губернии выгонами
в имениях крупных помещиков накануне 1861 г.**

Таблица 2

Уезд	Число имений	Крестьянские выгоны		Общие выгоны		Нет выгонов или неизвестно	
		Число	%	Число	%	Число	%
1	2	3	4	5	6	7	8
Борисоглебский	33	3	9	28	85	2	6
Елатомский	101	2	2	67	66	32	32
Кирсановский	125	10	8	100	80	15	12
Козловский	119	25	21	94	79	0	0
Лебедянский	26	2	8	17	65	7	27
Липецкий	28	5	18	17	61	6	21
Моршанский	79	7	9	72	91	0	0
Спасский	25	2	8	18	72	5	20
Тамбовский	135	12	9	102	76	21	16
Темниковский	48	1	2	34	71	13	27

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Усманский	38	2	5	26	68	10	26
Шацкий	79	11	14	50	63	18	23

Источник: Приложения к трудам Редакционных комиссий. Т. 5. СПб., 1860. С. 134–150.

Таблица отчетливо показывает, что в имениях крупных помещиков (свыше 100 душ крепостных) во всех уездах не менее 60 % составляли общие с крестьянами выгоны. С одной стороны, наличие такого совместного угодья ставило крестьян в зависимость от произвола помещиков. С другой стороны, давало крестьянам при добрых отношениях с владельцем большой маневр в пастьбе скота. Можно предположить и то, что при общем выгоне помещик вряд ли мог разрешить распашку его части под крестьянские посевы.

Некоторые данные Приложений позволяют говорить о том, что крестьянам даже в ряде крупных имений не хватало животноводческих угодий, ради получения которых они готовы были выполнять дополнительные повинности в пользу владельца. В одном из имений Тамбовского уезда крестьяне обрабатывали «сгонные дни», получая лишнюю землю и сенокос, а также возможность пасти скот на господских землях (Приложения... 1860: 134). По Елатомскому уезду известен факт, что крестьяне «за большой, значительный надел лугами доставляют в господский дом дрова и сено» (Приложения... 1860: 137). 106 тягол одного из имений Козловского уезда платили по 1 рублю за право пасти скот по помещицкому жниву (Приложения... 1860: 140). В Шацком уезде отмечен факт, что крестьяне за пользование лугами владельца возили господский хлеб «в дальнюю пристань» (Приложения... 1860: 150). При нехватке кормов для домашних животных крестьяне одного из поместий Моршанского района сверх оброка возили навоз на поля владельца и дрова из его леса, получая «пособие» сеном и овсом (Приложения... 1860: 144).

В большинстве из 300 уставных грамот Кирсановского уезда отмечается сохранение после реформы выгонов у крестьян, но только в единичных случаях сообщается о крестьянских сенокосах. При этом более чем в половине случаев крестьяне получили в свое распоряжение бывшие общие выгоны полностью или частично.

С одной стороны, это увеличивало хозяйственную самостоятельность крестьян, с другой – провоцировало распашку выгонов под недостающие полевые угодья.

Почти во всех изученных нами уставных грамотах говорится о сохранении после реформы возможности пользования крестьянами водопоями. В грамотах редко отмечается наличие «рыбной ловли» как места промысла. Во всех случаях право рыбной ловли оставалось за помещиком.

Наиболее сложно обстояло дело с лесными ресурсами (см. табл. 3).

**Пользование крестьянами Тамбовской губернии лесами
в имениях крупных помещиков накануне 1861 г.**

Таблица 3

Уезд	Число имений	Пользование крестьянами владельческими лесами	
		Число имений, %	
Борисоглебский	33	10	30
Елатомский	101	68	67
Кирсановский	125	35	28
Козловский	119	25	21
Лебедянский	26	12	46
Липецкий	28	7	25
Моршанский	79	64	81
Спасский	25	7	28
Тамбовский	135	25	19
Темниковский	48	26	54
Усманский	38	0	0
Шацкий	79	43	54

Источник: Приложения к трудам Редакционных комиссий. Т. 5. СПб., 1860. С. 134–150.

Как видно из таблицы, только в северных, относительно лесистых уездах губернии (Елатомском, Моршанском, Темниковском и Шацком) более чем в половине крупных поместий дореформенные крепостные крестьяне могли пользоваться владельческими лесными угодьями.

К тому же существовали ограничения на пользование лесами. Так, в Темниковском уезде в 13 имениях крестьяне лишь частично бесплатно удовлетворяли свои потребности в лесных материалах,

а частично покупали их у хозяев. Еще в 13 имениях лес только покупался крестьянами. В одном имении за пользование лесом крестьяне вынуждены были отрабатывать «сгоны» (Приложения... 1860: 147). Также вынуждены были приобретать лес у хозяев крестьяне отдельных имений Елатомского и Кирсановского уездов (Приложения... 1860: 137, 139). В Тамбовском уезде в большинстве случаев помещичьими лесами пользовались только беднейшие крестьяне (Приложения... 1860: 134). В одном из имений Кирсановского уезда при чистке леса крестьянам разрешалось лишь собирать хворост (Приложения... 1860: 139). Уникальный случай «в пользу» крестьян отмечен только в единичном поместье Спасского уезда, где владелец сам приобретал лес для крестьянских построек (Приложения... 1860: 145).

В трех сотнях уставных грамот Кирсановского уезда наличие лесов в имениях упоминается редко. По условиям реформы они почти всегда оставались за помещиками. Выявлены единичные случаи, когда лес остался в общем пользовании владельца и крестьян. Таким образом, доступность лесных угодий для крестьян после 1861 г. резко сократилась (см. табл. 4).

Структура крестьянских угодий в некоторых имениях Кирсановского уезда до и после реформы 1861 г. (в %)

Таблица 4

Имение	Полевые угодья		Усадьба		Выгон		Сенокос	
	до	после	до	после	до	после	до	после
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Н. Ф. фон Леске (д. Березовка)	83	72	17	16	0	12	0	0
В. Д. Можаров (д. Дмитриевка)	94	94	3	3	3	3	0	0
К. П. Нарышкин (с. Оржевка)	90	90	7	7	3	3*	0	0
К. П. Нарышкин (д. Жулидовка)	94	94	3,5	3,5	2,5**	2,5**	0	0
А. В. Астафьева (с. Покровское, М. Ломовис, Дворящино)	95	95	3	3	2**	2**	0	0

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Д. М. Бульгин (д. Андреевка)	91	91	6	6	3**	3**	0	0
Е. П. Евстахова (с. Троицкое)	90	90	7	7	3	3	0	0
А. А. Жемчужников (с. Алатор, Покровское)	92	92	5	5	3	3	0	0
В. Д. Зайцев (с. Карай Алтуфьево)	85	90	5	3	10	7	0	0
В. П. Зайцева (д. Бордуковка)	82	82	3	3	15	15	0	0
А. А. Коромышева (с. Трескино)	71	53	10	7	17	30	0	0
Е. А. Крюкова (д. Гусевка)	95	95	1	1	4	4	0	0
Е. А. Баратынского наследники (д. Ядровка и Веденеевка)	83	86	4,5	4	3,5	2	9	8

Примечания: * Крестьяне пользовались еще и общим с помещиками выгоном;
** вместо выгона у крестьян были только выпуски.

Данные по отдельным имениям, которые представляют собой случайную выборку, мы не собираемся абсолютизировать. И все-таки они не противоречат общегубернским показателям. В первой половине 1860-х гг. распределение земельных угодий в Тамбовской губернии выглядело следующим образом: пашня (вместе с усадебной землей, включая выгоны и выпуски) занимала 70 %, леса – 18 %, сенокосы – 12 % (Военно-статистический сборник 1871: 229). Учитывая, что у помещичьих крестьян совсем не было лесов, а также имелось мало сенокосных угодий, наличие почти 100 % земли под пашней и усадьбами (с выгонами и выпусками) в изученных имениях Кирсановского уезда вряд ли было исключением в губернии.

Основная экологическая опасность, которую демонстрируют данные по некоторым кирсановским имениям, заключалась в том, что почти во всех из них крестьяне уже до реформы перешли через разумный предел распашки. Выдающийся ученый-аграрник Н. П. Огановский писал: «В районах черноземной полосы предел дальнейшему распространению пашни кладется тогда, когда она достигает круглым счетом 80 % удобной безлесной территории» (Сборник очерков... 1922: 47).

Как видно из таблицы 4, крестьяне, судя по всему, осознавали опасность предельной распашки своих наделов, оставляя хоть небольшую их часть под выгоны и особенно под усадьбы, которые с экологической точки зрения наиболее ценны тем, что они лучше всего удобрялись и обрабатывались.

Тамбовские статистики 1920-х гг. цифрами подтвердили понимание крестьянами губернии такой опасности. По их расчетам, доля пашни в наделных землях, достигнув в 1881 г. 79,5 %, оставалась неизменной до 1917 г. (Сборник очерков... 1922: 46). В таком случае при минимально достаточном для региона душевом наделе в 3 дес. пашня должна была составлять не более 2,4 дес. Как мы видели, именно такой цифры достиг в среднем весь надел бывших помещичьих крестьян Тамбовской губернии к концу 1870-х гг. Поэтому объективные потребности в дополнительной пашне у пореформенного крестьянского хозяйства существовали.

Одним из путей преодоления крестьянского малоземелья и соответственно нехватки необходимых природных ресурсов становилась аренда крестьянами помещичьих угодий. Поскольку помещики зачастую не выставляли перед крестьянами особых условий по бережному и рациональному отношению к арендуемой земле, а крестьяне смотрели на нее как на чужую собственность, такая земля распахивалась сверх разумного предела (Сборник очерков... 1922: 46). Это обстоятельство наряду с низким качеством обработки крестьянами помещичьих угодий способствовало переносу экологических проблем и на эти угодья, углублению экологического кризиса аграрного общества на территории губернии в целом.

Эффективным путем выхода из этого кризиса могла быть интенсификация сельскохозяйственного производства и становление рационального природопользования. Несмотря на малоземелье крестьян, примитивность крестьянского землепользования, недостаток средств для улучшения хозяйства у крестьян и большинства помещиков в пореформенные десятилетия проявилось очевидное желание вести хозяйство по возможности более рационально. Показателями интенсификации стали: изменение структуры посевов полевых культур (больше корнеплодов, особенно картофеля), внедрение многополья, использование удобрений, рациональные приемы обработки почвы (двоение пара, расширение использования плугов и др.) (Канищев, Хмель 2002: 34–47).

Но масштабы рационального природопользования были недостаточными, чтобы остановить нарастание экологического кризиса аграрного общества на территории региона. Как показали исследования Е. В. Хмель, даже в 1880–1910-е гг. среди 379 крупных частных землевладений четырех важнейших уездов Тамбовской губернии только в 34 хозяйствах реально осуществлялись мероприятия по интенсификации производства, имевшие ресурсосберегающую направленность, в том числе лишь в двух внедрение технологии рационального природопользования шло комплексно во всех отраслях сельского хозяйства (Хмель 2004: 19). Понятно, что возможности крестьянского хозяйства для внедрения интенсивных приемов ведения сельского хозяйства были еще меньшими (Есиков 1998).

Но даже наличие небольшого числа примеров ведения рационального хозяйства показывает, что в российском обществе пореформенного периода существовала реальная альтернатива преодоления кризисных явлений во взаимоотношениях человека и природы. Это позволяет, не нарушая принципа историзма, указывать на недалекость правящих кругов и огромного большинства помещиков второй половины XIX в. в решении экологических проблем пореформенной деревни. В историческом итоге эти проблемы стали одними из предпосылок аграрной революции в России, уничтожившей помещиков как слой общества (Крестьянское движение... 2003: 6–9).

Однако ни победа аграрной революции в российской деревне, ни последующие усилия советского государства по созданию современного крупного интенсивного комплексного сельского хозяйства, ни современные реформы аграрного сектора по внедрению различных форм земельной собственности и соответственно потенциально разумных собственников не привели к слому чисто земледельческой парадигмы в менталитете огромного большинства россиян. И в нынешних условиях почти все руководители аграрных регионов России и специалисты сельского хозяйства по-прежнему стремятся к широкой распашке земельных угодий. Экологическая история позволяет напомнить политикам, хозяйственникам, ученым-аграрникам о важности учета проблем во взаимоотношениях общества и природы, которые возникли многие десятилетия тому назад.

Литература

Аврех, А. Л., Канищев, В. В. 2002. Естественно-исторические условия модернизации аграрного общества. Тамбовская губерния, XIX–XX вв. *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.* (3–17). Тамбов.

Бокова, В. М. 1995. А. М. Бакунин и его трактат «Условие помещика с крестьянами». *Вестник Московского университета*. Сер. 6: Экономика 5: 40–51.

Великая реформа. Т. 1–3. М., 1911.

Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия: СПб., 1871.

Данильчева, Л. В. 2000. О проекте А. А. Аракчеева по освобождению крестьян. *Бартеневские чтения* (112–115). Липецк.

Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. Липецк, 2002.

Джаншиев, Г. А.

1894. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М.

1905. Эпоха Великих реформ. СПб.

Дружинин, Н. М. 1978. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М.

Есиков, С. А. 1998. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900–1921 гг.). Тамбов.

«И пыль веков от хартий отряхнув...» Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.

Иванюков, И. 1903. Падение крепостного права в России. СПб.

Канищев, В. В.

2002. Геоинформационная система по истории Тамбовской области XVII–XX вв. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 30: 91–92. *Специальный выпуск: Материалы VIII конференции Ассоциации «История и компьютер»*. М.

2002а. Хозяйственная деятельность В. И. Вернадского в контексте экологической ситуации в Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. *В. И. Вернадский и Тамбовский край* (42–74). М.

2003. Экологические аспекты кризиса аграрного общества. Тамбовская губерния. XIX – первая треть XX в. *Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу* (14–17). Материалы междунар. конференции. Тверь.

2003а. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.). *Экономическая история: Ежегодник* (513–532). 2002. М.

Канищев, В. В., Хмель, Е. В. 2002. Элементы рационального природопользования в хозяйствах крестьян и крупных землевладельцев Там-

бовской губернии в 1880-е гг. Сравнительный историко-экологический анализ. *Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.)*: сб. науч. статей (34–47). Вып. 4. Тамбов.

Корнилов, А. А. 1905. *Крестьянская реформа*. СПб.

Кочергина, И. В. 1992. Программа решения крестьянского вопроса в книге декабриста Н. И. Тургенева «Россия и русские». *Вестник Московского университета*. Сер. 8: История 5.

Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 2003.

Литвак, Б. Г.

1972. *Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861–1895*. М.

1991. *Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива*. М.

Мороховец, Е. А. 1937. *Крестьянская реформа 1861 г.* М.

Найденов, А. А. 2000. Князь А. И. Васильчиков и подготовка крестьянской реформы 1861 г. *Вехи минувшего* (140–156). Вып. 2. Липецк.

Нефедов, С. А. 2005. Об экономических предпосылках русской революции. *Общественные науки и современность* 3: 83–96.

Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. II–III. СПб., 1859.

Приложения к трудам Редакционных комиссий. Т. 5. СПб., 1860.

Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922.

Семенов, Н. П. 1889–1894. *Освобождение крестьян в царствование императора Александра II*. Т. 1–3. СПб.

Скребицкий, А. И. 1862–1868. *Губернские комитеты, их депутаты и Редакционные комиссии в крестьянском деле*: в 4 т. Бонн-на-Рейне.

Федоров, В. А. 1966. *Падение крепостного права в России*. Документы и материалы. Вып. 1. М.

Хмель, Е. В. 2004. *Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных частных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов.

Dyachkov Vladimir and Kanitschev Valery. 2004. Tambov regional development in context of integral history, 1800–1917. Contradictions in the modernization of Russian society on a basis of micro-history (199–223). *Where the twain meet again. New results of the Dutch-Russian project on regional development. 1780–1917*. Groningen/Wageningen.